

Питомцы славы (И.А. Петин и К.Н. Батюшков в эпоху 1812 г.)

22 августа 1812 г. отступающая от западной границы российская армия подошла к Бородинскому полю, а 23-го лейб-гвардии Егерский полк занял село Бородино. 3-й батальон, в котором служил капитан Иван Петин, обеспечивал переправу русского арьергарда через водные преграды. В нескольких верстах от Бородина были владения Петина, перешедшие к нему после кончины отца, ротмистра Александра Борисовича Петина: сельцо Ратово с речкой Седкой, в которой «вода к употреблению людям и скоту здорова», «грунт земли серой к урожаю ржи, ячменя, овса, льну и конопели способной»; деревня Большие сады с усадебной землей, пашнями, дровяным лесом, покосами, пустошь Талые садки...ⁱ

С колокольни и в егерской цепи, рассыпанной западнее Бородина, вдоль речки Войны, впадающей в Колочу, наблюдали за движением французских войск. Солдаты итальянского корпуса топтали вотчинную землю Петина, на которой жили и занимались хлебопашеством до двух сотен крепостных крестьян. В связи с вражеским нашествием девять из них ушли в ополчение.

24 августа егеря и изюмские гусары отбили наступление противника на село Бородино. Перед решающей битвой Петин писал на барабане письмо другу, поэту Константину Батюшкову, с которым познакомился во время похода в Восточную Пруссию в 1807 г. Тогда 20-летний Батюшков, назначенный сотенным начальником, шел с Петербургским милиционным батальоном, а при штурме французского редута под Гейльсбергом его «вынесли полумертвого из груды убитых и раненых товарищей»ⁱⁱ. У русской границы, в Юрбурге, Петин и Батюшков встретились вновь. «В тесной лачуге на берегах Немана, без денег, без помощи, без хлеба... в жестоких мучениях, я лежал на соломе и глядел на Петина, которому перевязывали рану, — вспоминал Батюшков. — Кругом хижины столпились раненые солдаты, пришедшие с полей несчастного Фридланда...»ⁱⁱⁱ

В письме Батюшкову из Бородина Петин описывал движения войск, позицию противника, не скрывая нетерпения сразиться с ним. 26 августа Петин командовал 3-й гренадерской и 9-й егерской ротами. Командир батальона направил его гренадеров и егерей в штыковую атаку против наступающих войск 13-й дивизии генерала Дельзона. Для Петина эта штыковая атака не была первой. В Финляндии, у кирки Индесальми, 30 октября 1808 г. он в ночном бою «с ротой егерей очистил лес, прогнал неприятеля и покрыл себя славою. Его вынесли на плаще, жестоко раненого в ногу»^{iv}. Батюшкова в той схватке не было. Он оставался в резерве егерского батальона, но слышал слова одобрения, с которыми генерал Николай Тучков обратился к Петину. «...И молодой человек забыл и болезнь, и опасность. Радость блистала в глазах его, и надежда увидиться с матерью придавала силы»^v.

Через полтора года друзья встретились в Москве. В послании «К Петину» Батюшков писал о пережитых опасностях, о ночном бое при Индесальми, «в веселых стихах изобразил свою скромную роль в этом деле»^{vi}:

Помнишь ли, питомец славы,
Индесальмы? Страшну ночь?
«Не люблю такой забавы», —
Молвил я, — и с Музой прочь!
Между тем как ты штыками
Шведов за лес провожал,
Я геройскими руками...
Ужин вам приготавлил...^{vii}

Там шведская пуля пробила ногу Петина выше колена. В штыковой атаке при Бородине французская пуля тоже прошла навывлет выше колена. Преодолевая боль, капитан Петин собрал и привел роты в боевой порядок под сильным огнем противника и «вторично ударил в штыки, дав время для отступления 7-й и 8-й егерским ротам». В «Воспоминании о Петине» Батюшков писал: «Счастливым друг, ты пролил кровь свою на поле Бородинском, на поле славы и в виду Москвы, тебе любезной, а я не разделил с тобой этой чести. В первый раз я позавидовал тебе, милый товарищ, в первый раз с чувством глубокого прискорбия и зависти смотрел на почтенную рану твою»^{viii}.

Встреча произошла во Владимире. Батюшков, сопровождая семью Муравьевых, ехал в

Нижний Новгород, а Петин — в село Андреевское (в 30 верстах от Владимира), где генерал-адъютант М. С. Воронцов организовал госпиталь. В Андреевском и окрестных деревнях находилось одновременно на излечении более 300 нижних чинов и до 50 генералов и офицеров. С последними было до ста денщиков и 300 лошадей^{ix}. Лечение Петина продолжилось в собственном его поместье под «...попечительством нежной матери, которая имела счастье ходить за раненым сыном своим...»^x.

А Батюшков, ожидая в Нижнем Новгороде и Петербурге приказ о принятии на военную службу с зачислением штабс-капитаном в Рыльский пехотный полк и с назначением в адъютанты к генералу А.Н.Бахметьеву, в третий раз проезжал через Москву. Свои впечатления он выразил в послании «К Дашкову»:

Трикраты с ужасом потом,
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил...^{xi}

Начался заграничный поход русской армии. В феврале 1813 г. прусское правительство заключило союз с Россией в войне за освобождение Германии от наполеоновских войск. Генерала Бахметьева, которому после Бородина ампутировали ногу, на театр военных действий непустили. Он разрешил адъютанту ехать в действующую армию без него. Батюшков, прибывший в Дрезден в августе 1813 г., получил от генерала П. Х. Витгенштейна направление к генералу Н. Н. Раевскому, который оставил офицера при себе адъютантом.

А Петин, едва зарубцевалась рана, поспешил в армию. В то время, когда солдаты беспечно шли по немецкой земле, настроение офицеров было беспокойное. Думы офицеров выразил в одной из бесед с товарищем Петин: «Наконец-то истребились сии ложные слухи о "мире и возвращении в Россию", рассеянные в Главной квартире любителями балов и собраний. Начинается новая кампания и представляет открытый путь к опасностям и славе. Мы опять сразимся с французами, гордящимися двумя свежими победами, и наконец в просвещенной Европе исчезнет сей призрак их непобедимости, столь долго ослеплявший глаза народов. Где будет первая встреча? Когда услышим первый пушечный выстрел, столь радостный при начале кампании и производящий непостижимое чувство в сердцах, пылающих войной?»^{xii}

У Дрездена 15 августа 1813 г. 1-й батальон гвардейских егерей под командованием полковника Петина, примкнув к двум егерским полкам, штыковым ударом отбросил французских стрелков на вершину Кольберга. Заняв деревню Цегисту у Пирнского шоссе, батальон удерживал кратчайшее сообщение с Богемией. Попытка нескольких французских батальонов, спустившихся с гор, выбить из Цегисты русских егерей не удалась. Воодушевленные Петиним, егеря штыковым ударом отбросили противника, вновь отступившего на вершину Кольберга. Под Дрезденом в авангардном сражении побывал и адъютант Раевского Батюшков, едва не попавший в плен, наскочив на французскую кавалерию.

Союзные войска, которые возглавлял генерал А. И. Остерман-Толстой, отступали в Богемию. Они остановились в долине, сужающейся среди гор к небольшому чешскому селению Кульм. Здесь спустя почти год встретились друзья. «...Я сижу в шалаше моего Петина, — вспоминал Батюшков, — у подошвы высокой горы, увенчанной развалинами рыцарского замка. Мы одни. Разговоры наши откровенны; сердца на устах; глаза не могут насмотреться друг на друга после долгой разлуки. Опасность, из которой мы исторглись невредимы ... простое угощение и гостеприимство в ставке приятеля, товарища моей юности, бутылка богемского вина на барабане, несколько плодов и кусок черствого хлеба ... умеренная трапеза, но приправленная ласкою, — все это вместе веселило нас как детей»^{xiii}.

17 августа началась битва под Кульмом. Наполеон приказал генералу Вандамму отрезать путь отступления союзным войскам при выходе из Судетских гор. Противник атаковал союзников. Оборону у деревни Страден держали пять батальонов, в том числе три батальона гвардейских егерей. Бой кипел в лесу вдоль гор, в деревне, в садах. Вандамм взял Страден. Снарядом, выпущенным из орудия с высоты у Страдена, Остерману-Толстому оторвало левую руку. Командование принял генерал Ермолов. На следующий день 3-й гренадерский корпус генерала Раевского потеснил правое крыло Вандамма. Батюшков с приказами Раевского скакал от одного офицера к другому, чудом выйдя из боя невредимым. Французы были разбиты, Вандамм пленен. Союзные войска, возглавленные Ермоловым, обеспечили себе отход в Богемию. Войскам дали несколько дней отдыха.

Петин и Батюшков вновь встретились. Последний вспоминал: «Часто мы бродили по лагерю рука в руку посреди пушек, пирамид ружей и биваков и веселились разнообразием войск, столь различных и одеждою, и языком, и рождением, но соединенных нуждою победить»^{xiv}.

21 сентября союзные войска оставили Теплицкий лагерь, а через неделю в Альтенбурге Петин навестил Батюшкова. Прощаясь, Петин крепко пожал руку друга и, садясь на лошадь, упал. «Дурной знак для офицера, — сказал он, смеясь от доброго сердца»^{xv}. Это была последняя встреча друзей.

4 октября началась битва под Лейпцигом. С утра Батюшков был на коне. Генерал Раевский посылал адъютанта с приказаниями то к пруссакам, то к австрийцам. «Ядра и гранаты сыпались, как град. Иные минуты напоминали Бородино»^{xvi}, — писал Батюшков Н. И. Гнедичу. Ермолов приказал гвардейским егерям занять деревню Госсу, обеспечивающую центр русской позиции. Батальон Петина, обойдя деревню, ворвался в Госсу одновременно с двумя другими батальонами. Вражеская пуля сразила Петина. На следующий день, объезжая поле битвы, штабс-капитан Батюшков узнал о гибели друга. «...Петин убит, — сообщал он Гнедичу, — Петин, добрый, милый товарищ трех походов, истинный друг, прекрасный молодой человек, скажу более: редкий юноша. Эта весть меня расстроила совершенно и надолго. На левой руке от батарей вдали была кирка. Там погребен Петин, там поклонился я свежей могиле...»^{xvii}

О смерти Петина Батюшков писал и В. А. Жуковскому: «До Парижа я шел с армией, в Лейпциге потерял доброго Петина. Ты будешь всегда помнить этого молодого человека: редкая душа — и так рано погибнуть!»^{xviii} Жуковский знал Петина по Московскому университетскому благородному пансиону: был его старшим товарищем. Петин с детства был направлен к литературным занятиям. В журнале «Утренняя заря» печатались произведения пансионских воспитанников: в 1800 и 1803 гг. — стихотворения Жуковского и переводы с французского и оригинальные басни Петина. Большой известностью пользовалась басня «Солнечные часы». В ней баснописец сравнивал удачливых вельмож с солнечными часами, которые теряют свой блеск, как только солнце перестает освещать башню. Мораль басни — осмеяние гордыни аристократических кругов. Жуковский предлагал позднее Петину перевести несколько басен немецкого поэта К.В. Рамлера для «Вестника Европы». Петин уклонился, ответив шуточным письмом в 1809 г.: «Взявши от вас книгу, я тот же вечер принялся за расстроенную свою балалайку, стяхнул с нее пыль, которою она была более семи лет покрыта, привел Пегаса, сел на него, мучился, потел, но никак не мог с ним сладить, — все выходит фальшь. Вините в том шведов: они прострелили, мне левую ногу; а вам известно, что без левого шенкеля никакая лошадь правильно в галоп не пойдет, не только ваш ученый и манежный Пегас»^{xix}.

Петина привлекали точные науки и военная служба. В Пажеском корпусе он переводил математические статьи. Будучи капитаном лейб-гвардии Егерского полка, он публиковал в «Военном журнале» переводные статьи по вопросам артиллерии, «егерских эволюции и практики полевой»^{xx}. Известна его статья об атаке и обороне крепостей — извлечение из «Фортификации» генерала Белавена и полковника Леклерка.

Батюшков высоко ценил разносторонность опытов Петина, отмечал его «редкую гибкость ума, способного на многое; словесность требует воображения, науки — внимания и точности». Все это Петин «принес в гвардейский егерский полк. И к этому — еще лучшее сокровище: доброе сердце, редкое сердце, которое ему приобрело и сохранило любовь товарищей»^{xxi}.

Горестной любовью, чувством невосполнимой потери проникнута элегия Батюшкова «Тень друга» и очерк «Воспоминание о Петине», написанные в 1814-1815 гг. Эпиграфом стихотворения стали строки из элегии римского поэта Проперция «Тень Цинтии», посвященной возлюбленной поэта:

«Души усопших — не призрак: смертью не все кончается:

Бледная тень ускользает, победив костер».

Сюжетный центр элегии Батюшкова — явление призрака — мотив в мировой литературе нередкий. Он встречается в «Метаморфозах» Овидия, в «Гамлете» Шекспира, в произведениях Пушкина, Жуковского. Явление тени короля Гамлета в оставленный мир объясняется жадной возмездия, включено в причинно-следственную цепь, несмотря на фантастичность. В элегии Батюшкова явление призрака и его исчезновение не имеют прагматической мотивировки и порождают всплеск чувства — любви и печали. Перед поэтом предстал «воин вечно милой»,

«милый друг, "товарищ лучших дней»,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию над плейскими струями.
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло
Как утро майское, веселием цвело
И все небесное душе напоминало...
И я летел к нему... Но горный дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес...^{xxii}

Один из исследователей элегии находит в ней характерные для лирики начала XIX в. реликты «обрядовости, ритуальные моменты ораторского витийства, похоронного плача, мольбы-заклинания»^{xxiii}.

Зерном «Воспоминания о Петине» стало письмо Батюшкова к матери Петина от 13 ноября 1814 г., в котором он давал подробную характеристику другу, перечисляя редкие его качества: «неустрасимость в опасности, постоянную кротость, любовь к товарищам, снисхождение к подчиненным, добродушие и откровенность в обществе, светлый ум и прекрасную душу»^{xxiv}. Батюшков предлагал соорудить памятник над прахом Петина. А. И. Тургенев готов был заказать монумент в Лейпциге. Сам Батюшков собирался сделать надпись и заказать рисунок. Александр Кривицкий, автор повести-хроники «Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года» (1980 г.), писал о том, что предложение Батюшкова было исполнено, но побывать автору у памятника Петину в 1945 г. не удалось^{xxv}.

«Воспоминание о Петине» по жанру — это и жизнеописание, и некролог-характеристика, и философская статья. Автор подчеркивал мужество друга-офицера в разные периоды его боевой жизни, его действенный патриотизм. Петин дал урок патриотизма Батюшкову и его товарищам после поражения русских под Фридрихсдорфом, когда они оказывали знаки внимания французским пленным в то время, когда на берегу Немана были брошены на произвол судьбы русские раненые. Самоунижение соотечественников перед иностранцами, желание показать свой европейский лоск оскорбляло Петина.

Начинается статья философским рассуждением о самой привлекательной поре человеческой жизни — молодости. Автор поэтизирует смерть юноши в бою. Оптимистичной была позиция 15-летнего Петина. В переводной «Идиллии» он называл счастливым периодом жизни человека детство. И завершил ее таким выводом:

«Любезные дети! Детство есть золотой век жизни. Ах! Наслаждайтесь далее вашим благополучием и не желайте скорее вырасти»^{xxvi}.

«Воспоминание о Петине» проникнуто пафосом дружбы. В Петине Батюшков видел двойника со сходными склонностями, мыслями и чувствами, стремлением к правде. Очерк наполнен конкретными эпизодами из жизни Петина, реалистическими деталями. В изображении ужасов войны Батюшков — предтеча авторов «Валерика» и «Севастопольских рассказов». Цитируя «Певца во стане русских воинов», Батюшков вводил Петина в круг героев, достойных бессмертия на земле, хотя подчеркивал, что для земного бессмертия мало быть «добрым сыном, верным другом, неустрасимым воином». Он верил в бессмертие за пределом земной жизни.

В Публичной библиотеке Петербурга хранится графический рисунок работы Батюшкова — предположительный портрет Петина: римский профиль молодого человека в мундире с обер-офицерскими эполетами. Память о друге, убитом под Лейпцигом, не оставляла поэта и в период его тяжелой душевной болезни: Батюшков часто рисовал могилу Петина, вырытую в далекой Германии. Воспоминание о дружбе было для него «драгоценнее и честей и славы».

Примечания

ⁱ Экономическое примечание Можайского уезда 1800 г. с краткой таблицей и алфавитами. ЦГАДА, ф. 426, №№ по ген. Плану 242, 246, 248.

ⁱⁱ Стурдза А. С. Беседа любителей русского слова в Арзамасе // Москвитянин. 1851. Ч. VI, с. 15.

ⁱⁱⁱ Батюшков Константин. Избранная проза. М., 1988, с. 184.

^{iv} Там же, с. 186.

^v Там же.

^{vi} Майков Л. Н. Жизнь и сочинения К. Н. Батюшкова // Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 1. СПб., 1887, с. 77.

^{vii} Батюшков К. Н. Стихотворения. М., 1987, с. 187.

-
- ^{viii} *Батюшков Константин*. Избранная проза, с. 188.
- ^{ix} *Булгаков А. Я.* Из записок//России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988, с.427-428.
- ^x *Батюшков Константин*. Избранная проза, с. 188.
- ^{xi} *Батюшков К. Н.* Стихотворения, с.61-62.
- ^{xii} История лейб-гвардии Егерского полка. СПб., 1896, с. 117.
- ^{xiii} *Батюшков Константин*. Избранная проза, с. 180-181.
- ^{xiv} Там же, с. 189.
- ^{xv} Там же, с. 190.
- ^{xvi} Там же, с.342.
- ^{xvii} Там же, с.343.
- ^{xviii} Там же, с.379.
- ^{xix} Русский архив. Кн.3.М.,1875, с.362.
- ^{xx} *Батюшков Константин*. Избранная проза, с.187.
- ^{xxi} Там же, с.183.
- ^{xxii} *Батюшков К. Н.* Стихотворения, с.49.
- ^{xxiii} Венок поэту. Жизнь и творчество К.Н.Батюшкова. Вологда, 1989, с.59.
- ^{xxiv} *Батюшков К. Н.* Сочинения. Т.3. СПб., 1886, с.307.
- ^{xxv} *Кривицкий Александр*. Ежедневные заботы. Памфлеты, повести-хроники.М.,1983, с.181.
- ^{xxvi} Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. Кн. 2. М., 1803,с.206-207.